Золотой грошик

Первая картинка

Бабушка часто говорит:

— Янкеле, выпей молочка! Янкеле, возьми сахарку!

У бабушки много молока. В двух громадных бидонах она разносит его по богатым квартирам. Где она берет молоко, Янкеле не знает. Он пьет молоко, но больше налегает на сахар.

По утрам он пьет молоко в кровати. Вот он кричит в стакан:

— Еще сахару-у!

«Тик-так!» откликаются ходики, а в стакане гудит: у-у-у!..

Янкеле сбрасывает одеяло. Опять они оставили его одного! Опять она ушла со своими бидонами!

Он подбегает к запертой двери, садится голышом на пол у порога и плачет:

— Мама-а!

«Тик-так!» дразнятся ходики, а Ядвига за стеной говорит:

— Не плачь, Янек, бабуся прендко пшиде (скоро придет).

— Она меня заперла…

— Не бойся, Янек! Смотри, солдаты.

— Где?

Слезы у Янкеле высыхают, он бежит к окну. Верно — солдаты. Они все одинаковые, все одинаково разевают рты и поют с присвистом:

Соловей, соловей, пташечка…

А между словами слышно, как стучат сапоги. Эх, раз, эх, два!—будто одна громадная, тяжелая нога. И тихонько дребезжит стекло в окне.

Янкеле прижимается к стеклу, прислушивается к пронзительному солдатскому свисту, выпячивает губы и тоже пробует насвистывать: «Соловей, фьюю,

фыоюю, соловей…»

Солдаты кончились. Можно опять поплакать. Вдруг Янкеле замечает городового. Городовой стоит на углу, и пыль после солдат садится возле него на землю, будто она тоже боится его длинной изогнутой шашки.

Янкеле быстро натягивает штанишки, допивает молоко без сахара — все как умный мальчик, чтобы городовой ничего плохого не подумал, — и садится к окну рисовать. Мама, когда уезжала к папе, подарила Янкеле цветные карандаши. (А он все равно плакал!)

На той стороне улицы, против окна, стоит большой дом, а на доме красивая вывеска: золотой орел с двумя головами и буквы. Янкеле знает только две буквы: «А» и «О».

Он достает из коробочки зеленый карандаш и начинает срисовывать орла.

Ядвига стучит в стенку:

— Янек, ты не плачешь?

— Нет. А ты?

— Я тоже нет.

Янкеле рисует орла и думает о папином брате Герцке. Он был хороший, он всегда брал с собой Янкеле и Ядвигу на главную улицу, где иллюзион(так раньше называлось кино). Ядвига, кутаясь в белый платок, шла около Герцке и тихо говорила:

— Герценька, коханый(любимый) мой, пойдешь со мной в костел? А то тату не пустит…

Герцке трогал тросточкой Ядвигин платок:

— У тебя тату, у меня мама. Что делать? Сердце мое разрывается! Янкель, не путайся под ногами!

А если мимо проходил кто-нибудь чужой, Герцке весело вертел тросточку двумя пальцами.

— Какой чудный вечер, панна Ядвига! Перейдем на другую лаву(тротуар).

А Ядвига отвечала:

— Ах, бардзо дзенкую(оченьблагодарна), пан Терпко!

А потом Герцке забрали в солдаты, и никто больше не ходит с Ядвигой и с Янкеле на Погулянку и на Замковую гору. Вот почему теперь часто слышно, как за тонкой стеной плачет Ядвига…

Орел получился какой-то кривой: одна голова больше, другая меньше. Его надо бы золотым карандашом, но мама не купила.

Янкеле принимается за буквы. Одна буква похожа на табуретку, другая на весы без чашек. Янкеле видел такие весы на Рыбном базаре. Бабушка берет его туда по пятницам. Там летают большие зеленые мухи, и везде — на столах, в бочках, в корзинах — везде шевелятся скользкие блестящие рыбы. А толстые, забрызганные чешуей торговки, размахивая мокрыми руками, кричат:

— Свеженьки… живеньки… только что из Вилии… Мадам, обратите внимание, какая жабра.

Бабушка долго торгуется, нюхает щуку, раздирает ей жабры, кладет на место, отходит, возвращается, снова торгуется, пока торговка наконец не схватит щуку и не бросит ее в кошелку:

— А, нехай по-вашему! Давай гроши!

Янкеле, помогая себе языком, срисовывает букву за буквой. Потом он приподымается и смотрит то на вывеску, то на свою картинку. Получается похоже, только на вывеске все буквы одинаковые, а у Янкеле они косые и неровные, будто падают. Зато у него каждая буква другого цвета, все семь карандашей в работе. Вот вернутся папа с мамой, он им покажет свою картинку. Папа посадит его на колени, пощекочет усами и скажет:

— Ай, Яшкец-молодец!

За дверью гремят бидоны. В замке звякает ключ. Янкеле вскакивает и, роняя штанишки и карандаши, бежит к двери:

— Бабушка!

Бабушка опускает пустые бидоны, ставит на стол кварту(металлическая мерка для молока) и обнимает Янкеле. Он дергает ее за старенькое, облитое молоком платье и старается заплакать:

— Почему ты меня заперла-а?

— Золотко, не надо плакать! Бабушка ушла, когда ты еще спал. Бабушка зато

тебе сахарку принесла!

Янкеле все-таки пробует всплакнуть. Он жмурится, трет глаза, хнычет, но ничего не получается. Он засовывает в рот большой кусок сахару и показывает бабушке свою картинку.

Бабушка ахает и причмокивает языком:

— Тца, тца! Вы подумайте, какой умник!

— Нет, бабушка, ты прочитай!

Бабушка долго смотрит на орла с двумя головами, на синие, желтые, зеленые буквы.

— Бабушка не умеет, золотко! Вот приедет мама, она прочитает.

— А папа?

— И папа тоже. Конечно. Все прочитают!

Бабушка принимается мыть бидоны. А Янкеле вешает картинку над кроватью, сосет сахар и думает: «Скорей бы папа с мамой приехали!»

Потом они с бабушкой обедали, потом ужинали. Потом бабушка зажгла лампу и села вязать Янкеле чулок. А Янкеле улегся под своей картинкой. Было тихо, все мухи ушли спать на потолок, только в лампе тихонько шипел керосин да под печкой скреблась мышь. И Янкеле сразу заснул.

Вдруг шум и яркий свет выкрученного фитиля в лампе разбудили его. Он вскочил:

— Приехали! Приехали!

Мама, не раздеваясь, кинулась к нему. Он обхватил ее, прижался к маминой холодной щеке.

— А папа? Где папа?,

Бабушка взяла Янкеле, уложила, покрыла одеялом:

— Спи, котик, спи, папа завтра приедет.

Она повернулась к маме:

— Ну, что сказал суд?

— Бабушка, — сказала мама, — надо быть… стойкой… надо быть крепкой…

— Да-да, — шепчет бабушка.

— Вам надо гордиться таким сыном… Как он держался на суде! И вот… всех на семь… лет… в крепость… И всё! И не надо плакать…

Бабушка роняет спицы на пол и всплескивает руками:

— Ой, горе мне! Самого старшего! Самого удачного!

— Мама, — вдруг кричит Янкеле, — смотри, это я сам написал!

Он снимает со стены свою картинку и сует ее маме.

Мама обнимает его. Он вырывается:

— Нет, ты сначала прочитай, прочитай!

Мама медленно читает старательно нарисованные буквы:

ПИТЕЙНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ.

И вдруг две маленькие слезы выкатились из маминых глаз и упали на картинку.

— Что ты делаешь! —закричал Янкеле. — Что ж я завтра папе покажу?!

А мамины слезы всё падают на кривого орла с двумя головами, на красные, синие, зеленые буквы, на первую картинку Янкеле…

Золотой грошик

Наконец-то Янкеле исполнилось шесть лет! В этот день бабушка поцеловала его крепче, чем всегда, и подарила ему маленькую блестящую денежку — грошик.

Янкеле спросил:

— Он золотой, да?!

Бабушка была глуховата. Она кивнула головой:

— Да, котик, да!

Янкеле обрадовался. Он любовался денежкой, дышал на нее и все думал, как бы получше ее истратить.

А что, если отдать ее извозчику Геноху! Тогда можно будет долго кататься на

его огромном фаэтоне — спереди, на мягком сиденье, как настоящий пассажир с варшавского поезда.

Нет, жалко отдавать грошик Геноху. Прокатиться можно и так, сзади, там, где болтается ведро и мелькают страшные, облепленные грязью спицы. Пускай Генох кричит: «Шейген, слезай!», пускай хлопает кнутом — все равно ему Янкеле сверху не достать!

А что, если отдать грошик Монику Мошковскому! За это, пожалуй, можно попросить его новые башмаки с резинками. Вчера он вышел во двор в этих башмаках и, поминутно нагибаясь, обтирал их рукавом.

— А я сегодня именинник, — сказал он. — А мне мама рубль дала! Приходите, ребята, у нас будет бал, вот!

Янкеле никогда еще не бывал на балах и даже не знает, что это такое — бал. И, хотя бабушка сказала ему: «Не ходи к ним, Янкеле!», он все-таки пошел, потому что ему очень хотелось увидеть бал.

Моник, нарядный, приглаженный, встретил его у дверей:

— Ты? Подожди, я сейчас!

Янкеле долго сидел на кухне, где мыли посуду, где стучали ножи и вилки, а над плитой то и дело взлетал теплый, вкусный пар. Потом кухарка сказала:

— Наш Монечка пошутил, а ты ждешь! Иди, дурачок, а то мне смешно делается.

Янкеле побрел домой. Бабушка спросила:

— Как тебе понравился бал?

Янкеле сказал только:

— Бал... бал... Вот!

Потом заплакал и сразу лег спать, потому что бабушка ему не раз говорила: «Когда спишь, ничего не чувствуешь».

Нет, Монику нельзя отдавать денежку.

Кому же все-таки?

Вдруг он услышал знакомое:

— Свежи-и... пирожны-ы...

Это пирожница Хана. Вот кому он завидует! Ей хорошо, ей уже лет двенадцать, а не просто шесть. И у нее большая корзина с пирожными, и она может их есть, когда захочет.

И Янкеле решил: он отдаст Хане золотой грошик, накупит пирожных и даже бабушку угостит.

Зажав монетку в кулак, он выбежал за ворота,

Хана медленно шла серединой улицы. Она вся изогнулась, потому что на плече у нее стояла большая корзина. Издали казалось, будто корзина сама передвигается на худых босых ногах, будто корзина сама кричит тонким голосом:

— Свежи-и… пирожны-ы…

Янкеле побежал за Ханой:

— Пирожны-ы… Стой!

Корзина повернулась, опустилась, и Янкеле увидел покрытое пылью и потом лицо Ханы. Но он смотрел не на Хану, он смотрел в корзину. Ой, сколько ж там пирожных! И длинные, и круглые, и изогнутые, и в бумажках, и без бумажек..,

Хана спросила:

— Тебе какое?,

Янкеле не знал, какое выбрать. Он молча разглядывал чудесное богатство Ханы-пирожницы.

Хана сказала:

— Замечательный товар! Свеженьки… сахарны…

Янкеле очнулся. Он стал показывать пальцем:

— Это и то… Нет, то… Нет, вон то… Много…

И он протянул Хане-пирожнице золотой грошик. Монетка весело заблестела на ее ладони, на которой красными пятнами отпечаталась ручка корзины.

Вдруг Хана крикнула:

— Что ты мне голову морочишь!

Она взмахнула рукой, и грошик, сверкнув, упал в канаву.

Янкеле растерялся:

— Он же не такой, Хана, он же золотой!

— Такой золотой, как ты!

Она вздохнула, подняла корзину и пошла:

— Свежи-и… пирожны-ы…

Янкеле долго барахтался в канаве, среди мусора и соломы. Но вот грошик нашелся. Янкеле повеселел, стал его вытирать, и монетка опять засияла.

«Ну, ладно, — подумал Янкеле, —• пускай считается не золотой, все равно я куплю, хоть не целое, хоть кусочек».

И он снова побежал за Ханой:

— Дай… кусочек…

Хана, не оборачиваясь, ответила:

— Что я, резать буду? Что это тебе, колбаса?

Но Янкеле не отставал. Ничего, он будет за ней ходить, ходить, ходить, и, когда она устанет, и сядет, и начнёт есть пирожное, тогда он купит у неё на грош.

Он всё шагал за Ханой. Она переходила на ту сторону улицы, и он переходил на ту сторону улицы. Она постояла у аптеки, и он постоял у аптеки.

Она кричала:

— Свеженьки… сдобненьки!.. И ему хотелось кричать: «Свеженьки… сдобненьки!..»

Она его не видела. А он всё время видел её выцветшее синее платье, изогнутую спину и тёмные пятки — то одну, то другую, то одну, то другую… Солнце печёт. Янкеле выскочил без шапки, он устал, но он всё шагает за вкусной корзиной, точно привязанный, по Виленской улице…

Но вот улица кончилась. И там, на пустыре, возле речки, Хана остановилась, опустила корзину, зачерпнула воды, умылась и села в тень.

Янкеле, сжимая грошик, притаился в кустах.

Хана откинула марлю, которой были покрыты пирожные, порылась в них, достала одно и стала его есть, запивая водой.

Янкеле шевельнулся: пора, а то она всё съест, и опять ему ничего не достанется.

Он вышел из-за кустов. Хана испугалась и перестала жевать.

— Кто это?

— Это я, — сказал Янкеле, протягивая монетку, — ну всё равно, пусть не золотой, дай маленький…

— Что, я тебе резать буду? — повторила Хана.

— А ты от своего…

И вдруг он увидел, что в руках у неё вовсе не пирожное, а кусок чёрного хлеба — горбушка. Он замолчал и уставился на горбушку, будто никогда не видал. Хана сказала:

— Иди, иди, покупатель!

Янкеле поплёлся по дороге. Его обогнал фаэтон Геноха. Спереди, на мягком сиденье, развалился Моник, и Янкеле не стал прицепляться.

Он пришёл домой и лёг, потому что, когда спишь, ничего не чувствуешь. Во сне кулак его разжался. С лёгким стуком упал и покатился куда-то золотой грошик.

Свидание

Холодно! Зато какие красивые цветы на стекле! Это мороз нарисовал. Янкеле так не умеет. А наверное, где-нибудь на самом деле растут такие…

Янкеле подышал на цветы, оттаял дырочку и смотрит во двор. Там мальчишки лепят из снега городового. Сразу видно — городовой: толстый, шашка на боку и погоны из двух щепок…

Дырочка на стекле затягивается. Янкеле дышит на пальцы, раскладывает на столе цветные карандаши и задумывается. Что рисовать? Дома он уже рисовал, зверей тоже, людей тоже… Что ещё есть на свете?…

Был бы папа, он бы сказал. Янкеле бросает карандаш. Без папы, аи, как скучно! Маме ничего — она себе уходит на фабрику, бабушка тоже пропадает со своими

бидонами, а его они оставляют целый день мёрзнуть и мучиться без папы…

Был бы папа, он, наверное, сейчас истопил бы как следует печку и стал бы учить Янкеле русским словам. Папа их знает очень много и даже самые трудные. Янкеле тоже знает несколько: «копейка», «мальчик», «баня», «солдат», «пошёл вон» и другие. А вчера он узнал новое слово. Мама, придя с фабрики, сказала:

— Бабушка, говорят, после суда можно получить свидание.

— Что, что? — не понял Янкеле.

— Свидание — значит, можно поехать к папе повидаться, поговорить.

— К папе! — запрыгал Янкеле. — К папе! Я тоже поеду на свидание.

Хорошее слово, только трудное. Не то что «копейка»: по-еврейски «копейка» и по-русски «копейка». По-еврейски «солдат» и по-русски «солдат». Почему это не сделали, чтобы все говорили на одинаковом языке?… Чтобы всем было понятно, что хлеб — хлеб, а стол — стол!

Янкеле берёт карандаш и красным концом старательно рисует хорошее слово: «свидание».

Вечером он пристаёт к маме:

— Когда же мы поедем на свидание?

Мама пахнет табаком. Она устало сидит на сундуке и жёлтыми, табачными пальцами перебирает получку. Янкеле трогает тёплые деньги.

— Мама, когда я вырасту, я буду каждый день приносить получку!

Мама обнимает его и даёт копейку. Янкеле прячет её в коробочку.

— Папе отвезу, — важно говорит он. — А когда же мы поедем всё-таки?

— Ещё не пускают, золотко!

Янкеле берёт маму за руку:

— Знаешь, отдай им получку, тогда пустят на свидание!

Мама качает головой:

— Нашей получки не хватит, Янкеле: им большую получку надо!

Она кладёт на сундук подушку, Янкеле ложится. Он закутывается с головой в одеяло.

— Ты смотри без меня не уезжай на свидание! — и поворачивается к стенке.

Приходит бабушка, но Янкеле не слышит. Он далеко, он поехал на свидание. Вот он уже сидит у папы на коленях и сосёт большую конфету. А в одной руке у него ещё яблоко. А в другой много разных денег. А папа подбрасывает его на коленях, будто Янкеле скачет на коне… Янкеле смешно, конфета подпрыгивает во рту, деньги звенят, Янкеле смеётся. Он всё смеётся, дёргает папу за усы, будто за вожжи, и кричит: «Тату, н-но… н-н-но…» Такое хорошее свидание! Утром он рассказывает:

— Бабушка, мне снилось свидание!

Бабушка в валенках стоит у двери:

— Вставай, котик, я ухожу! Янкеле сбрасывает одеяло:

— Вот поеду к папе, расскажу, как вы меня оставляете. Я ему всё-всё расскажу! И про свадьбу у Мошковских, и как ты бидон опрокинула, и… как мама таракана тогда испугалась!.. Нам с папой есть о чём поговорить! Только бы скорей пустили, а то ещё всё перезабудешь!

Долго не пускали на свидание. Уже и зима кончилась, стало тепло, цветы на стекле пропали, снежный городовой за окном похудел и покосился… В один из таких весенних дней прибежала мама.

— Янкеле, бабушка! Пускают! Пришла бумага! — Она целовала Янкеле, она душила его.

— Пришла! — кричал Янкеле. — Бумага!

А бабушка, глядя на них, уголком платка утирала глаза…

В пятницу вечером мама вымыла Янкеле голову. Она больно скребла ногтями, но Янкеле терпел. Пускай папа видит, какой он чистый, и даже шея чистая. Потом собрали передачу: мама — папиросы, бабушка — тёплые носки, а Янкеле — картинки и копейку. Получилась большая передача. В субботу встали рано и поехали. А бабушка осталась дома.

Была хорошая погода. В лужах плескалось солнце. По широким канавам катилась мутная вода. Янкеле крепко держался за маму. Они прошли через Рыбный базар, мимо синагоги, свернули на проспект и вышли к вокзалу. Янкеле

первый раз в жизни едет в поезде. Вагоны — всё равно как дома, а поезд — целая улица разноцветных домов. Жёлтые и синие — это первый класс, там богатые. Но в третьем классе тоже хорошо, и всё равно можно стоять у окна. Голые деревья, чёрные поля, серые избы с соломенными крышами, тень от паровозного дыма, оборванные мужики в лаптях — всё это бежало назад, в Вильну… Прошёл кондуктор: «Господа пассажиры, предъявите билеты!» Янкеле показал свою половинку.

— Мама, — тихо сказал он, — по-русски «билет», и по-нашему тоже «билет»!

Мама ответила:

— Правда, Янкеле… Не верится, что мы его скоро увидим.

И, когда уже приехали в тот город и подходили к тюрьме, она повторила:

— Не верится…

Мама зашла в контору за пропуском. Янкеле разглядывал высокую тюремную стену. Стена была старая, во многих местах обвалилась штукатурка, а наверху даже выросла трава. Там, за стеной, папа! Янкеле прижал к груди узелок с передачей. Сейчас исполнится его сон. Только Янкеле не будет сидеть у папы на коленях — он уже большой. Он просто обнимет папу, они расцелуются и поговорят — им с папой есть о чём поговорить! Если же папа очень захочет, Янкеле немножко посидит у папы на коленках, но недолго.

За стеной было тихо. Воробышек вспорхнул с мостовой, устроился на стене, оглянулся и — чик-чирик — полетел на тюремный двор.

— Хорошо воробеичикам!.. — сказал Янкеле, когда мама вышла, и показал на часового у ворот: — Это стражник, да?

— Ша, ша, Янкеле! — сказала мама.

Стражник посмотрел на пропуск, тяжёлая калитка на колесике с грохотом приоткрылась, они вошли — и Янкеле стало немного страшно. Сзади — высокая стена, ворота, стражник с ружьём. Впереди — большой дом с решётками на окнах и снова стражник. Янкеле крепче схватился за маму. Мама сегодня не пахла табаком, на ней было длинное нарядное платье с газовой вставочкой на груди, как у мадам Мошковской. Край маминого платья тянулся по камням тюремного двора.

Они подошли к железной двери. Там стоял стражник. Он прочитал пропуск:

— Иди, дамочка! Политические — прямо и направо!

А Янкеле он схватил за плечо:

— А паренёк пускай здесь обождёт!

Янкеле съёжился. Мама испугалась: — Почему здесь?

— Более одного посетителя, — ответил стражник, — к заключённому не полагается!

— Господин часовой, — сказала мама, — посмотрите на него — он же ещё совсем маленький!

Она погладила серый рукав часового. — Не могу, — ответил стражник. — Закон! Янкеле изо всех сил вцепился в маму. Она пригнулась к нему и тихо сказала:

— Янкеле, ты же умненький, ты подождёшь, да?

Янкеле смотрит вниз, на каменный пол, на громадные рыжие сапоги стражника. Как? Он не пойдёт к папе на свидание? Не расскажет ему про всё? Не посидит с ним, не обнимет его? Не поднимая головы, Янкеле говорит:

— Пускай меня режут на кусочки, я пойду!

Мама растерянно оглянулась на часового.

— Мадам, — сказал стражник, — вхожу в положение. Можно сделать так: один пойдёт, а когда вернётся, другой пойдёт.

— Слышишь, Янкеле, — сказала мама, — я быстренько… А потом ты себе пойдёшь…

Но Янкеле, не выпуская маминого платья, повторял:

— Я хочу к папе! Я не останусь! Я хочу к папе!

Мама вздохнула, поправила на Янкеле ремешок, косоворотку, пригладила его волосы и сказала:

— Иди! Только недолго, чтоб я тоже успела. И вот Янкеле пошёл по холодному коридору к папе. Вместе со всеми он попал в большую странную комнату. Посередине сверху донизу тянулась частая решётка. За решёткой стоял стражник. За стражником была ещё решётка, и за ней — люди! Точно звери в цирке на Большой Погулянке! И вдруг Яикеле услыхал такой знакомый голос:

— Янкеле!

— Тату! — закричал на всю камеру Янкеле и побежал на голос. — Тату!

За двойной решёткой стоял он — папа! Только теперь у него чёрная борода, коричневые штаны, куртка и круглая шапочка.

Янкеле протянул руку сквозь решётку. Папа тоже хотел продеть руку, но она не проходила между железными прутьями; он помахал ею:

— Янкеле, Янкеле! Где мама?

— Тату, она здесь… там. Мы тебе передачу принесли. Там картинки, так это от меня… А бабушка тебе велела…

— Убрать руки! — закричал стражник между решётками и подошёл к Янкеле. — Ты, мальчик, по-своему не лопочи, здесь не синагога!

Янкеле спрятал руки, а папа сказал:

— Нельзя по-еврейски, Янкеле, говори по-польски!

Янкеле заговорил, как умел, по-польски, но стражник снова перебил:

— Это что за пш-пша, пши-пши? Сказано: не разрешается!..

Янкеле замолчал. Сжимая изо всех сил холодное железо решётки, он молча смотрел на папу и вспоминал русские слова: «солдат, баня, пошёл вон, мальчик…»

Папа сказал:

— Янкеле, ничего… не плачь… Ты лучше позови маму. Она всё расскажет.

Янкеле не хотелось уходить. Он всё смотрел и смотрел на папино лицо, на папины руки, на папины глаза…

— Позови маму, — говорил папа, — а то скоро выгонят.

Янкеле посмотрел в последний раз на папу и побрёл к выходу. Мама кинулась к нему:

— Нашёл папу? Янкеле молчит.

— Что ты молчишь? Скажи что-нибудь!

Янкеле молчит. Мама побежала по коридору.

Стражник поставил ружьё и добродушно спросил:

— Ну как, молодой человек, потолковали с папашей?

Янкеле молчит.

— Или онемел, — усмехнулся стражник, — на радостях?

Янкеле вдруг покраснел, отступил немного а крикнул, заикаясь:

— По…шёл вон! Сол-дат!..

Сел на каменную ступеньку и заплакал.

В пятницу вечером

Сначала забрали в солдаты дядю Герцке. Потом хотели забрать и дядю Рувима. Но Рувим уехал в Америку, и дома остались только мама, бабушка и Янкеле.

Бабушка часто вздыхала, жаловалась:

— Что это за дом без мужчины? Разве это дом?

Янкеле обижался:

— А я, бабушка?

— Ну, ты! Тебе ведь ещё не тринадцать лет! Янкеле с огорчением загибал пальцы: девять, десять, одиннадцать, двенадцать… Долго ещё ему не быть мужчиной в доме!

А всё-таки он много помогал бабушке по хозяйству, особенно в пятницу. Потом они ждали первой звезды. Если звезда, значит, уже суббота, ничего делать нельзя.

Бабушка только что вымыла пол и зажигала свечи. Янкеле посыпал сырые половицы опилками. Вдруг раздался сильный стук в дверь. Бабушка открыла, уронила спички и схватилась за косяки. В дверях стоял пристав.

— Здесь проживает мещанин Гутман Рувим… — Он заглянул в бумагу и с трудом выговорил: — Рувим-Пин-хус Нах-манович?

Пламя на свечах подскочило. Янкеле забился в угол между комодом и печкой. Бабушка нагнулась за спичками. Она никак не могла их нащупать.

— Здесь.

— Ага!

Загремели шпоры. Пристав вошёл в комнату. Сел, сбросил снег с бороды и поставил шашку между колен. Громадные следы остались на полу, среди опилок.

— А где он сам пропадает… Ру-вим-Пин-хус Нахмано-вич?

Бабушка засуетилась:

— Теперешние дети, господин пристав! Разве они что-нибудь скажут! Вы знаете, где они? Так и я знаю! Они же не слушаются, господин пристав!

— Мадам Гутман! — закричал пристав. — Вы плохая мать! Таких матерей сажать надо!

Он схватил с комода субботний подсвечник и поставил ближе к себе на стол. Янкеле замер.

А пристав достал папиросы «Фру-фру», пригнулся к свечке и закурил. Как будто это обыкновенная спичка!

Янкеле ужаснулся. В пятницу вечером человек дотронулся до подсвечника! Прикурил от субботней свечи! Янкеле затаил дыхание. А что, если сейчас грянет гром, блеснёт молния и вопьётся приставу в грудь — туда, где болтается шнур и свисток.

Янкеле съёжился. Пристав стукнул шашкой:

— Один сын у вас политический преступник, другой уклонился от явки в воинское присутствие!

— Теперешние дети… — начала бабушка. Но пристав перебил её:

— Что вы мне толкуете: «Дети, дети»! Тут разговор короткий: или он в двадцать четыре часа явится к воинскому начальнику, или… — он затянулся и выдул дым прямо бабушке в лицо, — вы за него заплатите штраф в размере… — он ещё раз затянулся, — трёхсот рублей!

— Трёхсот рублей? — шёпотом повторила бабушка и опустилась на сундук. —

Трёхсот рублей?! — Она тихонько засмеялась. — Спросите раньше, я когда-нибудь глазами видела трёхсот рублей? Я только издали слыхала, что на свете бывает трёхсот рублей, четырёхсот рублей…

Пристав схватил с подоконника чернильницу Янкеле, снял фуражку, бросил на пол окурок и стал писать.

— Что касается описи имущества…

— Какая у нас имущества? — Бабушка махнула рукой. — Вы же сами видите, господин пристав!

Пристав почесал вставочкой нос, оглядывая комнату.

— Ну, стол… подсвечники, комод… — Вдруг он заметил большие блестящие глаза Янкеле. — А там кто прячется?

— Внучек, — сказала бабушка.

— Внучек?… Видите, у вас не так уж мало имущества! — Пристав перечитал бумагу. — А теперь, мадам Гутман, распишитесь.

Бабушка не шелохнулась:

— В субботу мы не пишем, господин пристав. Потом я же по-русски неграмотная, господин пристав! А кресты я не буду!

Пристав повернулся к печке и поманил пальцем:

— Поди сюда, дезертир!

Янкеле несмело подошёл к столу.

— Писать умеешь?

Янкеле молча мотнул головой.

— Подпишись!

«Подпишись»? Янкеле не верил своему счастью. Его просят расписаться, как большого! Он ещё никогда по-настоящему не расписывался.

Вдруг он вспомнил: ведь сейчас уже суббота, писать нельзя. Он растерянно оглянулся на бабушку. «Ничего, котик, не бойся!»

Пристав показал толстым пальцем:

— Здесь!

Янкеле осторожно взял перо, наполнился гордостью и медленно вывел большими буквами: «ГУТМАНЪ». И от твёрдого знака такой хвостик пустил, как полагается на подписи. Получилось хорошо, даже сам пристав похвалил:

— Молодец!

Он забрал свои бумаги, шашку, фуражку и ушёл. Только следы свои оставил на полу…

Янкеле стал укладываться. Бабушка молча сидела у стола. Янкеле босиком, в одной рубашке подошёл к ней:

— Бабушка, ты не скучай, я знаю!

— Что ты знаешь, Янкеле?

— Я знаю… — Он обнял её. — Мы не дадим ему эти триста рублей, и нас посадят в тюрьму, и мы тогда будем вместе с папой!

Бабушка улыбнулась. Янкеле прижался к ней;

— А это ничего, что я в субботу подписался?

— Ничего, — ответила бабушка, — тебе ведь ещё не тринадцать лет!

Янкеле успокоился и лёг. Оказывается, иногда даже лучше, когда тебе нет ещё тринадцати лет!

Он долго ворочался на своём сундуке, потом повернулся лицом к бабушке:

— Вот ты всё жалуешься, что нет мужчины в доме. А кто бы тогда подписался, если бы не я?

Он скоро заснул. Бабушка долго прислушивалась к его дыханию. Он спал крепко и даже всхрапывал, как настоящий взрослый мужчина после длинного трудового дня.

Казаки

Все зарабатывают на кусок хлеба. Бабушка разносит молоко; мама работает на табачной фабрике Финкелынтейна; Юзефа — нянька у Мошковских. Только папа не зарабатывает — он же сидит! А Янкеле стал почтальоном. Это Юзефа дала ему письмо и сказала:

— Яненко, ты уже научился по-русски?

— Немножко, — ответил Янкеле.

— Будь ласков, отнесёшь это письмо по адресу: Первая казачья сотня, нижнему чину Емельяну Чернохлибу. Будешь моим почтальоном!

— Казаки? — перепугался Янкеле.

— Глупенький! — уговаривала Юзефа. — Они ж добрые. Ну, будь ласков! Вот тебе на конку, мой почтальон.

«Почтальон» спрятал пятак, натянул до ушей шапку с «почтой» и вышел на улицу, где конка. Скучное солнце висело над Вильной. Пара тощих лошадей медленно тянула конку. Мальчишки, прячась от кондуктора, прыгали на подножку. Янкеле это понравилось — он тоже повис. Ехать далеко — до Погулянки. Янкеле там был один раз, ещё когда папа не сидел.

— Паршивец, ты сегодня спрыгнешь или нет? — Кондуктор сорвал шапку с Янкеле.

Письмо упало на булыжник. Янкеле подобрал шапку, почту и прицепился к следующей конке. Так и доехал.

Здесь хорошо! Налево тихая Вилия, вдали лес, а направо зелёное поле. А там, неподалёку, казармы. По полю скакали казаки. Который из них Чернохлиб? Ведь они все одинаковые! На всех широкие синие штаны с красными полосами, сабли, пики, толстые канчики и светлые чуприны под фуражками. Одни, блестя саблями, на полном скаку рубили расставленные по полю гибкие палки. Другие длинными пиками кололи чучела, похожие на толстых торговок с Рыбного базара. Даже страшно становилось, когда пика влезала в соломенный живот! А лошади легко-легко касались копытами земли. Сразу видно — настоящие казацкие лошади, не то что коночные клячи.

Заиграла труба. Казаки соскочили с сёдел и повалились на траву покурить. Янкеле робко стоял на краю поля. Они могут ещё стегнуть канчиком. Письмо шуршало под шапкой. Он хотел подойти поближе и не мог — боялся! Но вот один казак мотнул чуприной:

— Тебе чего, хлопец?

Янкеле побледнел:

— Господин казак, чи вы не знаете, кто есть нижний чин… Господин Черно… Чернохлиб?

— Эвон сидит, сало жрёт, другим не даёт! Иди к нему, не бойся.

Чернохлиб обернулся.

Он был красивый: румяные щёки, тонкие брови, усы двумя золотыми колечками. Недаром он понравился Юзефе. Янкеле отдал ему «почту». Чернохлиб вытер губы и долго, по складам, читал письмо. Янкеле и то лучше читает. Потом он сунул письмо в сапог, покрутил ус и улыбнулся. Глаза у него были синенькие.

— Добре, хлопчик! — Он достал пятачок. — Держи!

Другой казак спросил:

— Як тебе зовут?… Янкель? Сидай с нами, Янкель!

Третий казак хлопнул Янкеле по плечу: — Янкель, пойдёшь к нам в казаки?

Янкеле перестал бояться. Казаки ему понравились. Он отвечал на все вопросы, а потом даже сам спросил:

— Дяденьки, а зачем вам эти канчики?

Казаки засмеялись:

— То не канчик, а добрая казацкая нагайка. Пощупай!

Янкеле пощупал:

— Чтобы лошадок погонять?

— «Лошадок»! — усмехнулись казаки. — Конь и так пойдёт — он повода слушается…

Тут снова заиграла труба. Казацкий офицер закричал:

— По ко-о-ням! Чернохлиб сел на коня:

— Янкель, приходи завтречка, я ответ отпишу!

И понёсся к остальным казакам.

Так Янкель подружился с казаками. Он сделал себе саблю и казацкую нагайку. Если есть доска и верёвка, это совсем нетрудно. И с азартом мчался на лихом «скакуне» по двору. И с грохотом рубал бабушкины бидоны доброй «казацкой саблей».

— Бабушка, я не буду почтальоном, я буду казаком! — И бах по бидону, бах…

А по ночам, пугая маму, бормотал: «Чернохлиб… По ко-о-ням…»

С заработанными пятаками Янкеле пошёл в магазин. Маленькая продавщица уговаривала покупателей. Янкеле показал ей пятаки и выбрал тетрадь для рисования. Замечательная тетрадь, из толстой бумаги; на синей обложке красивыми буквами напечатано: «Тетрадь для рисования, учени — точки, точки — класса». Потом он увидел пистолет. Хороший черный пистолет, с коробочкой красных пистонов в придачу.

— Дайте тетрадь и пистолет.

— Денег не хватит, мальчик.

— Сколько денег не хватит? — Янкеле задумался. — Ну, дайте тетрадь! — Он пошёл к кассе и вернулся. — Нет, пистолет. — А через минуту опять прибежал. — Нет, тетрадь, тетрадь!

Сам над собой засмеялся и пошёл платить — и ещё осталось на красно-синий карандаш.

На первой странице он нарисовал казака. Красно-синим карандашом хорошо их рисовать. Штаны — синим, перевернул карандаш — полосы на штанах красным. Верх фуражки — синим, опять перевернул, низ — красным. Саблю — синим, нагайку — красным, лицо — красным, глаза — синим…

Он долго рисовал. Стало темно; бабушка зажгла лампу. Пришла мама. От неё пахло табаком.

— Бабушка, — сказала мама, снимая платок, — кончено, мы бастуем! И кожевники тоже. Они мучатся не меньше нас!

— Вы хотите быть сильнее Николая Второго! — вздохнула бабушка.

— Бабушка, больше терпеть невозможно! Он себе наживается, а мы наживаем чахотку. Мы ж его спросили: «Финкельштейн, толстая собака, вы согласны на десять часов работы?… Нет? Так мы бастуем!»

Янкель бросил карандаш и стал тереть глаза:

— Я тоже хочу бастовать!

Мама обняла его:

— Золотко, спать ложись! — и, отвернувшись от Янкеля, долго кашляла.

Утром пришла соседка, тоже табачница. Янкеле встрепенулся и схватил маму за платье:

— Куда ты идёшь?… Я знаю, ты идёшь бастовать!

— Пусти, золотко, мы на базар!

Она вырвалась, захлопнула дверь и повесила с наружной стороны замок. Янкеле заревел и стал колотить ногами и «казацкой саблей» по двери. Потом он подтащил к окну табуретку, взобрался на подоконник, откинул крючок и толкнул раму. В комнату ворвались гнилые запахи двора, залетели большие зелёные мухи. Под окном была ржавая крыша сарайчика. Янкеле перебрался на сарайчик, спрыгнул на землю и побежал искать маму.

Он долго бегал по улицам. На Георгиевском проспекте он увидел чёрную толпу. Ну да, это табачники и табачницы собрались бастовать около богатого, со львами и балконами, дома Финкельштейна! Янкеле забрался в толпу и, расталкивая бесчисленные ноги, кричал:

— Мама! Мама!

Табачники говорили между собой:

— Депутаты уже давно у Финкельштейна!

— Интересно, что он теперь ответит, этот эксплуататор! Мальчик, чего ты здесь пихаешься?

— Мама! — ответил Янкеле, выбрался из толпы и увидел городовых. Они кричали:

— Разойдись!

Но толпа не расходилась. Наоборот, подошли ещё рабочие. От них пахло кожей

— это были кожевники. Каменные львы с финкельштейновского дома оскалили пасти на толпу. Все ждали, что ответит Финкельштейн.

Янкеле хотел ещё раз крикнуть: «Мама!» — но тут со стороны Погулянки донёсся стук подков.

Раздались звуки трубы, и затем сразу Янкеле увидел лошадиные головы, блестящие казацкие *сабли*, синие с красным казацкие штаны.

Янкеле сначала испугался. Потом он обрадовался.

Сейчас он найдёт Чернохлиба, он ему всё расскажет про Финкельштейна. Пусть он задаст канчиком этой толстой собаке!

Янкеле оглянулся. Кожевники, табачники — все разбегались в разные стороны. А стук подков становился всё громче, уже видны были светлые чуприны казаков и острые лошадиные уши…

Вдруг Янкеле увидел маму. Платок она где-то потеряла, чёрные волосы растрепались и висели космами, глаза стали большими. Она подбежала к Янкеле, больно схватила за руку и потащила.

Янкеле вырывался:

— Мама, не бойся, не бойся же!..

Он услышал над собой сильное дыхание лошади.

Резкий удар обжёг голову Янкеле. Казацкая нагайка била по нём, по маме, по всем бегущим.

— Не надо!.. — кричал Янкеле. Они свернули в переулок…

Дома мама легла. Бабушка прикладывала ко лбу Янкеля мокрое полотенце. Прибежала Юзефа:

— Яненко, коханый, шо с тобой?

Янкеле вскочил, сбросил полотенце, кинулся к тетради, выдрал первый лист с красно-синим казаком и стал в ярости рвать его на кусочки и топтать ногами.

— Зачем я тогда купил эту тетрадь! — плакал он. — Лучше бы я тогда пистолет купил!

Бабушка качала головой:

— Вы хотите быть сильнее Николая Второго! Это же неслыханная вещь!

Дядя Герцке

Дядя Герцке был молодой и весёлый, он знал много хороших песен и всегда напевал: «Лопни, но держи фасон!»

По вечерам он приходил грязный, усталый, и Янкеле поливал ему из тяжёлой медной кружки, а дядя командовал:

— Крантиком! Дождиком!

Потом он переодевался, чистил слюной штиблеты, брал свою тросточку с ремешком на конце и говорил:

— Яшкец, пойдём!

Они выходили на главную улицу, где иллюзион. Там показывали драмы в шести частях и комедии. Янкеле и Герцке больше любили комедии и смеялись до слёз, когда у Макса Линдера лопались брюки или он уваливался в бочку со сметаной.

Потом они катались на конке, потом заходили в Дворянский сад. Там духовая музыка, танцы, и дядя Герцке танцевал с Ядвигой «Варшавский вальс».

Потом дядя угощал их семечками, а то и мороженым. Хорошая, счастливая была жизнь! «Почему папа не такой, как Герцке?» — часто думал Янкеле. Он тогда не сидел бы в тюрьме, он бы тоже смотрел драмы и комедии, тоже танцевал бы вальс и тоже напевал бы весёлую песенку:

Есть в Париже выражение

Се са, се са…

Это значит удивление —

Се са, се са…

Вдруг всё кончилось. От воинского начальника пришла повестка: Герцке надо *явиться*. Герцке явился и там, у начальника, услыхал страшное слово: «Годен».

Доктор сказал: «Годен»; начальник сказал: «Годен»; на билете напечатали: «Годен»; везде Герцке мерещились чёрные буквы: «Годен».

А через месяц бабушка и Янкеле уже провожали дядю Герцке на станцию. Он брёл с сундучком на плече посередине улицы. Он был не один — с ним было ещё

много народу с сундучками. Все шли, опустив головы, будто все потеряли что-то на булыжной мостовой и не могут найти.

Спереди и сзади шагали настоящие солдаты, с ружьями. Кто-то пел, кто-то играл на гармошке, женщины плакали, а бабушка и Янкеле тихо шли по деревянному тротуару. Они то и дело спотыкались, потому что всё время смотрели вбок, на Герцке. А Герцке оглядывался на них и невесело улыбался. Они хотели подойти к Герцке, но солдат с ружьём сказал:

— Нельзя!

Потом все с сундучками полезли в товарные вагоны, плач стал громче, паровоз засвистел: «Го-о-ден», колёса застучали: «Го-ден, го-ден, го-ден…» Весёлого дядю Герцке увезли в солдаты.

Без него стало скучно и пусто. Но понемножку Янкеле всё-таки стал его забывать, потому что проходили недели… месяцы.

Только через полгода, пробравшись в Дворянский сад, он вспомнил дядю. Вдруг он увидел Ядвигу — она танцевала с чужим кавалером польку-мазурку. И Янкеле убежал.

Через год, когда прибирались к пасхе, Янкеле нашёл в сундуке лакированную тросточку с ремешком на конце и снова вспомнил про дядю. Как ловко он вертел её двумя пальцами!

Пасха была невесёлая: папа — в тюрьме, мама — в больнице, Герцке — в солдатах. Бабушка и Янкеле одиноко сидели за праздничным столом. Вдруг стукнула дверь, на пороге появился высокий бородатый солдат. Янкеле испугался. Солдат схватил его и бабушку и стал душить. Янкеле закричал, а бабушка заплакала:

— Как ты похудел, как почернел! Что они с тобой сделали?

Это был Герцке. Он расшиб на манёврах колено, и его послали домой, на *испытание.*

Янкеле отвык от дяди, стеснялся и говорил ему «вы»:

— А где у вас ружьё? А вы можете из шинели такой хомут сделать, как у всех солдатов? А кокарда у вас серебряная или так только?

Но, когда солдат Герцке побрился, скинул сапоги, и портянки, и ремень, и шаровары, лёг и укрылся одеялом, он снова стал дядей Герцке. Янкеле перестал стесняться. Они легли вместе, как раньше, и Герцке шёпотом

рассказывал ему, как ротный дрался кулаком, а полуротный ладонью и как обучали разговору: «Так точно, ваше благородие!», «Не могу знать, ваше благородие!»

— А генералом, Герцке, ты будешь? — спрашивал Янкеле.

— Чего захотел — генералом!

— А полковником?

— Нет, ни полковником, ни даже ефрейтором, а так и буду, какой есть: нижний чин.

— Почему нижний?

— Значит, ниже всех.

— Почему ниже? Ты ведь высокий!

— Спи! — сказал Герцке. — Спать команда была!

Янкеле повернулся к стенке, долго лежал с закрытыми глазами, потом снова задвигался:

— А в иллюзионе новая комедия: «Тётя Пуд и дядя Фунт».

— Тётя Пуд? — улыбнулся Герцке. — Завтра сходим обязательно.

Янкеле заснул счастливый. А когда проснулся, в комнате было полно народу. Пришла галантерейщица Хана, сапожник Коткес, фельдшер Лёва — «Скорая помощь». Лёва долго щупал Герцкино колено, потом сказал:

— Вам повезло, Герцке, вы, кажется, всерьёз охромели.

Бабушка засияла всеми морщинками:

— Я же знала, что он у меня удачник! Только к вечеру Янкеле удалось вытащить дядю из дому.

Они пошли по главной улице, как в доброе старое время. Правда, солдат Герцке — это уже не прежний весёлый дядя Герцке. Он не вертел тросточкой, не напевал: «Лопни, но держи фасон!» — он шёл медленно, чуть припадая на левую ногу, и то и дело отдавал честь проходящим офицерам.

У входа в иллюзион Янкеле дёрнул дядю за мохнатый рукав:

— Офицер!

Герцке поднял было руку, но сразу же опустил её:

— Дурачок, это же простой швейцар!

Янкеле виновато засмеялся, взял у Герцке денег, прошёл мимо швейцара в ливрее с галунами и купил два билета в ложу — всё-таки не каждый день приезжают дяди-солдаты!

В ложе у барьера сидел важный офицер с дамой. Герцке отдал честь и тихонько уселся сзади, но тут офицерский стул заскрипел, шпора звякнула, офицер обернулся и тоже заскрипел:

— Нижним чинам здесь, предполагаю, не место!

Появилась билетёрша:

— Солдатик, твоё место там, на галёрке. Сюда тебе нельзя.

На экране уже прыгали и кривлялись дядя Фунт и тётя Пуд.

— Герцке, — сказал Янкеле, стараясь не заплакать, — поедем лучше в Дворянский… сад…

Они вышли на улицу и подбежали к конке. Кондуктор в окне закричал:

— Нижний чин, не цепляйся! Не видишь — площадка забита!

— Дяденька, вагон же пустой!

— Нижним не дозволяется!

Он свистнул, замученные лошади дёрнули, облупленная конка покатилась по рельсам.

Янкеле ошарашенно оглянулся на дядю. Герцке уныло стоял посреди улицы, поминутно озираясь, не проходят ли офицеры. Тускло блестела кокарда, из-под шинели высовывались кривые носы солдатских сапог, на плечах зеленели солдатские погоны. Он бодрился:

— Ничего, Яшкец, мы живо дойдём! По-военному. Полк, становись! Ра-авняйсь! Выше головки! Убрать брюхо! Ешь глазами начальство! Шагом арш! Ать-ва, ать-ва!

И «полк» зашагал: ать-ва, ать-ва, ать-ва…

За высоким забором Дворянского сада гремела музыка — играли знакомый «Варшавский вальс». У ворот висела ржавая вывеска:

ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) Хождение по газонам.

б) Распитие спиртных напитков на траве.

в) Прогуливание собак.

г) Нахождение нижних чинов как в одиночку, так и более.

Раньше они её даже не замечали. Янкеле закусил губу, Герцке потоптался на месте, сплюнул, потом хлопнул Янкеле по плечу:

— Э, была не была! Лопни, но держи фасон, Яшкец!

Он приосанился, подравнял фуражку, чтобы кокарда была против носа, подтянул ремень, обдёрнул шинель, расправил плечи и прошёл через ворота. А Янкеле — за ним.

Дружелюбно шелестели знакомые липы. Вот любимая скамейка — теперь она не зелёная, а серая. Вот будочка, где всегда пили «дедушкин» квас; там другой продавец, неприветливый. Вот площадка для танцев, вот раковина для духовых музыкантов…

Янкеле потянул Герцке за рукав:

— Кто это, Герцке?

— Где?

Вдали, в глубине аллейки, двигался толстый старик с длинными белыми усами, с белой, расчёсанной надвое бородой, с красными полосами на синих штанах, с медалями, эполетами, крестами и шнурами. На нём была серая шинель на малиновой подкладке, в руках — короткий гибкий хлыст. Рядом, по песку, катился малюсенький белый пёсик на цепочке.

— Собачка! — обрадовался Янкеле. — Значит, ничего, можно. А кто это, тоже швейцар?

Но Герцке не слушал его. Герцке шагнул к танцевальной площадке, поднялруку и крикнул негромко:

— Ядвига!

Янкеле оглянулся.

На площадке в нарядном, блестящем платье, в лакированных туфельках, освещенная луной и газовым фонарём, стояла Ядвига. Рука её в перчатке до локтя лежала на плече франтоватого кавалера.

Она посмотрела вниз, на тёмную аллейку, поискала глазами Герцке, нашла его и долго разглядывала кокарду, погоны, сапоги… Но вот снова грянула музыка, кавалер сказал что-то, подхватил Ядвигу, закружил, она засмеялась и пропала в толпе танцующих…

Янкеле боялся взглянуть на Герцке. Вдруг сзади что-то рявкнуло:

— Смирно-о! Устава не знаешь!

И тоненьким, противным голоском залаяла собачка.

Это был не швейцар — это был настоящий «полный генерал»!

Он был красный, красней своей малиновой подкладки, он топал ногами и, брызгаясь слюной, кричал:

— Во фрунт! Во фрунт за двадцать шагов! — и вдруг, подняв хлыст, полоснул Герцке по больной ноге.

Янкеле обмер. А Герцке стоял, вытянувшись, бледный, как бумага, и, не мигая, точно слепой, смотрел на генерала. Худая рука, отдающая честь, мелко-мелко дрожала около козырька солдатской фуражки. Левая нога его не выпрямлялась.

— Как стоишь, мерзавец? Издеваешься?! — И генерал снова хлестнул Герцке по колену.

Янкеле вдруг завизжал, кинулся к генералу и всеми зубами впился в генеральскую ногу — там, где красная полоса. Нога дёрнулась, обернулась острым носком и отшвырнула Янкеле к железной ограде танцевальной площадки. Он остался лежать, уткнувшись головой в песок. Он хотел позвать Герцке, но что-то душило его, рот не слушался, и получалось только мычание:

— Ге… гы… ге…

Янкеле заболел. Его лечил Лёва — «Скорая помощь». Он сказал, что у мальчика мудрёная болезнь — называется нервный шок.

— Пускай шок, — говорила бабушка. — Но почему он заикается?

Этого Лёва — «Скорая помощь» не знал и вылечить не сумел. Янкеле так и остался заикой.

«Земной рай»

Янкеле много рисовал. Сапожник Коткес попросил его:

— Янкель, нарисуй мне сапог, а я его в окне вывешу. А тебе за это набойки поставлю, губернаторские!

Янкеле нарисовал чернилами сапог, провёл по голенищу черту мелом, что означало блеск, и подписал, как просил Коткес, по-русски:

ПОЧИНЯЮ

МУЖЕСКИЙ И ЖЕНСКИЙ ОБУФЬ

Потом явилась галантерейщица Хана. Она заказала плакат: пудовая гиря висит на нитке, а нитка не рвётся. И подпись:

ДЕШЕВШЕ НЕТ И НЕ ИЩИТЕ!

На этом заказе Янкеле заработал семь копеек. Слава его росла. Во дворе заговорили:

— Вы видели, какой он сделал Коткесу сапог? У простой табачницы, у Двойры, такой способный мальчик, такой талант!

Слух о Янкеле дошёл до оптовой бакалейщицы мадам Мошковской.

В субботу она велела прислуге Юзефе привести Янкеле.

Янкеле пошёл с Юзефой. Вот он осторожно ступает по скользкому полу. Какой он чистый, этот пол! Янкеле никогда не думал, что полы, по которым целый день ходят ногами, могут так блестеть! А вот там какие-то деревья в бочках, прямо в комнате. А на стене висят тарелки!

— Юзефа, зачем тарелки на стене, точно карточки? А что там за шуба на полу?

— Это не шуба, — засмеялась Юзефа, — это белый медведь!

— Разве бывают белые? — удивился Янкеле.

— Тише, Янек, обожди здесь, я пойду скажу.

Янкеле остался один. Было тихо. Где-то важно тикали часы. Медвежья голова скалила пасть и сверкала стеклянным глазом. Янкеле стало не по себе: «Непонятный там медведь — белый!»

Вдруг скрипнула дверь, и показался Моник, младший сын Мошковской. На нём был синий матросский костюм с белым воротничком.

Моник долго смотрел чёрными неподвижными глазами на Янкеле, потом засунул палец в рот и сказал:

— А ты не знаешь, зачем я пришёл?

— Нет, — признался Янкеле.

— Меня мама прислала смотреть, чтобы ты ничего не стащил.

Янкеле покраснел и тихо сказал:

— Я лучше уйду. Где тут уходят?

Он повернулся к двери. Но мадам Мошковская уже двигалась ему навстречу. Шелестело тёмное шёлковое платье. Седые волосы просвечивали сквозь чёрные кружева платка. Она со вздохом опустилась на стул:

— Монечка, иди к себе! — и стала в упор разглядывать Янкеле, как и Моник, не мигая. — Так это ты и есть знаменитый Янкеле Сарры-Двойры, табачницы? Ты на самом деле замечательно рисуешь?

— Не знаю, — ответил Янкеле. И ему захотелось домой, к бабушке.

— У меня для тебя большой заказ, — сказала Мошковская. — Вот! — Она взяла со стола книжку и стала перелистывать её короткими пальцами. — Посмотри на эту картинку. Нравится?

Янкеле посмотрел: нарисован волк, и овечка, и лев, и другие звери, и девочка — и все они идут рядышком. И подписано: «Земной рай».

— По-моему, — тихо сказал Янкеле, — так не бывает, чтобы вместе волк и овечка…

— Но так будет! — подхватила мадам Мошковская, поднимая глаза к потолку. — «Волк будет жить вместе с агнцем, и леопард будет лежать вместе с козлёнком», так сказал пророк Исайя. Это будет, когда все люди станут праведниками. Понятно тебе?

https://yastatic.net/safeframe-bundles/0.80/1-1-0/render.html Янкеле хотел спросить, что такое «агнцем», но не решился и ответил:

— Понятно.

«Земной рай» ему понравился. Тогда, значит, собаки не будут кусаться, как сейчас Володькин Пират. И мальчишки не будут швыряться камнями…

— Так вот, — продолжала мадам Мошковская, откинувшись на спинку стула, — сможешь ты срисовать «Земной рай» на большой лист?

— Попробую, — неуверенно ответил Янкеле.

Он прибежал домой взволнованный:

— Бабушка, Мошковщиха заказала мне «Земной рай»! Никто не будет кусаться, даже собаки, понимаешь?… А на стене у неё тарелки, будто карточки!

Он разбил картинку на маленькие клетки, а бумагу — на большие и с жаром взялся за работу. Ведь если получится хорошо, мадам Мошковская повесит «Земной рай» на стенку, и все будут спрашивать:

«Кто вам нарисовал такую замечательную картину?»

А мадам Мошковская будет отвечать:

«Разве вы не знаете? Это же Янкеле Сарры-Двойры, табачницы, тот самый, который сделал Коткесу сапог с блеском!»

Он работал всё воскресенье и весь понедельник. Он плохо ел, плохо спал и всё спрашивал у бабушки, хорошо ли.

— Очень хорошо! — отвечала бабушка. — Даже лучше, чем в книжке!

Во вторник утром он уже дорисовывал последнюю клетку.

С бьющимся сердцем он постучался в обтянутую кожей дверь Мошковских.

— Кто там?

— Это я, Юзефа. Я принёс «Земной рай».

— Барыни нет, она в магазине.

Что ж, это недалеко — на углу Завальной. Янкеле пошёл в магазин. Там было полутемно, вкусно пахло непонятными вещами, вдоль прилавков тянулись мешки с сахаром, с крупой, на полках желтели ящики.

Покупателей было много. Около больших весов стояли крестьяне в лаптях, Мендель, старший сын Мошковской, и сама мадам Мошковская. Она тыкала коротким пальцем в мешок, стоявший на весах, и говорила:

— Дай мне бог здоровья, что за чудная крупчатка!.. — И вдруг, обернувшись, скороговоркой сказала по-еврейски. — Мендель, подмешай ему из того мешка, где кукурузная… — И продолжала по-русски: — Дай мне бог каждую пятницу иметь халу из такой крупчатки!..

Янкеле выступил вперёд и перебил её:

— Вот… я принёс… «Земной рай».

Мадам Мошковская оглянулась, красная, вспотевшая, и, увидев Янкеле, ещё больше покраснела:

— Ты зачем пришёл? Мне сейчас некогда!

— Вы же сами… в субботу… просили.

— Так ты и пришёл бы в субботу. А то, здравствуйте, в базарный день, во вторник, когда самая торговля, он пришёл со своим раем!.. Мендель, дай ему орешков, пусть идёт.

И Мендель выставил Янкеле за дверь.